

Семиты

Разомкнут горизонт, и на простор из плена
Прибоем яростным летят сыны земли.
В излогах берегов воздвигнулись кремли,
Сидона гавани и молы Карфагена.

А на глухой восток, где каменная пена
Ливанских гор горит, вся в щебенной пыли,
В горящий зноем горн упорно залегли,—
В двенадцать областей,—ревнивые колена.

Их чёрные глаза во глубь обращены,
Считают вихри сил в провалах глубины,
Где в тёмном зеркале мерцает лик Йеговы,

Где наковальнею и молотом душа
Сама в себе плотнит навечные оковы,
Вдали от вольных вод безвыходно греша.

Разрушение

Кровь стала сгустками от жажды воспалённой.
Иссохшая гортань не пропускала хлеб.
И город царственный весь превратился в склеп.
И в знойных улицах клубился пар зловонный.

И вот—задавлены. Искромсаны колонны,
И покорённый царь под иглами ослеп,
И победители, как по пшенице цеп,
Прошли по всей стране грозой исступлённой.

Из чаши жертвенной поили лошадей,
Израли мантии для сёдел и возжей,
И Летопись Царей навек запечатлели.

Минувшим, небылым святая стала быть.
Но в Раме выжженной восплакала Рахиль,
И те рыдания сквозь время пролетели.